

Рассадин Станислав

1985

БИБЛИОТЕКА
ВЫ СТРАНИЦЫ

«СТИХИ ОТВОДЯТ ОТ ПОРТРЕТА»

Станислав Рассадин любит писать о театре, кино, телевидении. Из трех его книг, увидевших свет в последние годы, две — «Круг зрения» и «Испытание зреющим», — как подчеркивается в названиях, связаны с размышлениями о спектаклях, фильмах, телепрограммах 70—80-х годов. И только одна — «Спутники», посвященная поэтам пушкинского круга, — о словесности. Но эта одна — главная, потому что contiene всего выражает автора: и «южнитост» им культурно-исторического материала, по которому он движется со свободой «местного жителя», и его поэтическую эрудицию, и память, и адекватность критического слова, и, наконец, горячую увлеченность предметом исследования. Именно это — поэзия классическая, пушкинская поры.

Стихотворение, роман, драма лиши в редких случаях не переживают инобытия. С книжной или журнальной страницы их поднимают драматурги, композиторы, перекладывают их в романсы, оперы, балеты, живописцы и графики предлагают их пластические соответствия. Тан происходит задолго до появления кинематографа и тем более телевидения. Художественному слову тесно в его первообразной форме — на печатной странице, общественно ищет коллективных, совместных переживаний.

Рассадин пишет, как вольничал А. Н. Вертинский со стихами Анны Ахматовой, ему не нравится, как Алла Пугачева поет Шекспира и К. Кулиева, вообще не нравится, что она поет Мандельштама. Однако его не покидает чувство реальности, и он трезво признает, что тут — ничего не «пслеешь»! — крайности «общей и неизбежной тенденции». В отличие от многих своих собратьев по литературно-критическому цеху Рассадин понимает, что нет такой силы, чтобы испортить Пушкина, Шекспира, Блока. Режиссер или актер может обидно испортить свою работу, упустить прекраснейшую возможность. В «Испытании зреющим» эти упущенные возможности выявлены в количествах преогромных. Рассадин подробно и с доказательствами вычерчивает дистанции расхождений между поэтическим подлинником и его телевизионным сплеском, но с наибольшим удовольствием он пишет о счастливых приближениях. Ему нравится Олег Табаков, читающий ершовского «Коня-Горбунка», Михаил Козаков — Тютчева, программы Анатолия Адоскина. Рассадину нравятся артисты, погруженные в стихи и не испытывающие роли, не живописующие картины происходящего в тексте, потому что (тут он вспоминает Пушкина):

Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

Если где и быть звучащей поззии, то только на телевидении — такова норенная мысль размышлений Рассадина. Состояние человека, уединенно и сосредоточено взглядающегося в окошко телевизора, — идеальная, специфически телевизионная ситуация для восприятия стихов. Даже не идеальная, а идилическая: в зрительском положении автор «Испытания зреющим» не предполагает ни явных, ни скрытых конфликтов. Конфликтно, глубоко драматично то, что происходит перед нами: «а миг, когда поэтические строки отделяются от книжной страницы и читаются вслух», или, обретя

музыкальное сопровождение, поются, или играются как текст роли, превращаются в зрелище — спектакль, фильм, балет, телепрограмму.

Да, вырвавшись из плены изначальной тишины, поэтическая строка перестает подчиняться державной власти логического смысла. Однако произнесенная, она обретает очарование гармоничного, музыкального звучания, и это очарование не орнамент, не импульс воздействия на иные, новые эмоциональные области душевного устройства человека, это очарование, осмеливается утверждать исполненное прямого смысла. Вот пример.

И Смоктуновский произвел сильное впечатление на автора книги своим чтением «Медного всадника». Рассадина поразило, как в конфликте государственной идеи и индивидуальной правды артист без колебаний, решительно принял сторону маленького человека: «...траитовка Смоктуновского не промашка... она по-своему исторична, и это нужно сознавать», — написано в книге. И читает Смоктуновский, как никто до него. Это также сознает наш автор. Сознает, удивляется, но не соглашается.

Рассадин пренебрег иными нелитературными приемами, антерскую самореализацию приправил и смыслу тозиков и ими ее исчерпал. Между тем глубоко содержательно то, как произнесен в этой передаче стих. Литой звук, стремительные и протяженные интонационные броски, ошеломляющий богатством обертонов царственный, «ампирный» тембр — в звуковой материи исполнил присутствие Петра, его деда, его города неоспоримо.

Но спор вызывает не только этот фрагмент. Вообще спорность — сквозная особенность этой книги, надо думать, заложенная в ней на морено. В споре продолжается ее жизнь, в споре осуществляется ее практическая работа, в споре можно развить и уточнить привлекательные гипотезы и живые наблюдения, которыми щедро делятся с нами Станислав Рассадин. Ирина РУБАНОВА